

А. К. Соболева

Языковые права национальных меньшинств: проблемы защиты

10 мая 2001 года Министерство иностранных дел РФ подписало Европейскую хартию о региональных языках или языках меньшинств, которая была открыта для подписания государствами — членами Совета Европы с ноября 1992 года, но вступила в силу только 1 марта 1998 года. Ранее, в июне 1998 года, Россия ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств 1995 года.

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России — М 1993.— С. 15.

² См.: *Эбзеев В.С.* Диалектика индивидуального и коллективного в организации социума и ее отражение в Конституции России // Государство и право — 1999 — № 4.— С. 114.

Оба документа развивают положения о языковых правах, содержащиеся в Европейской конвенции о правах человека. Но, принимая их, Совет Европы исходил прежде всего из необходимости сохранения и развития культурного богатства Европы, частью которого является языковое многообразие. Языки меньшинств — та часть культурного наследия, которому наиболее угрожает опасность исчезновения, в связи с чем им нужна особая защита. И хотя в преамбуле Хартии отмечается, что право пользоваться региональным языком или языком меньшинства в частной и общественной жизни — неотъемлемое право человека¹, по духу и смыслу Хартии ясно, что ее цели носят, главным образом, культурный характер.

Хартия — очень необычный инструмент. Она составлена как меню, с набором вариантов (опций), и государство-участник при подписании документа о ратификации определяет, к каким языкам на его территории и какие пункты будут применяться. Механизм обязательств «по выбору» позволяет государству решить хотя бы те проблемы, которые оно реально может решить, не заикливаясь на тех, которые оно пока решить не в состоянии. И хотя благодаря этому Хартия — достаточно гибкий документ, позволяющий государствам адаптировать уровень гарантируемой защиты к «конкретным культурным, историческим, социальным условиям существования того или иного языка и, что немаловажно, к существующим финансовым возможностям применения тех или иных положений, этот документ вызывает немало споров и возражений как у представителей государств, так и у правозащитников. При этом государствам, имеющим на своей территории национальные проблемы, уровень предоставляемых гарантий кажется излишним и финансово неподъемным. В то же время специалисты по языковым правам критикуют ее за то, что она рассматривает язык в контексте культурного многообразия и европейского культурного наследия, но не в контексте гражданских и политических прав и свобод.

Несмотря на эти разногласия в подходе, которые имелись и среди разработчиков Хартии, имеющийся документ является важной вехой в защите языковых прав меньшинств.

Объектом правового регулирования Хартии являются языки, которые «традиционно используются на данной территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства». Она не распространяется на языки мигрантов и диалекты государственного языка. Разработчики объясняют такой подход тем, что Хартия рассматривает языковые права как права коллективные, которыми может пользоваться национальное меньшинство, проживающее на кон-

1 Преамбула Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств.

кретной территории. Что касается мигрантов и лиц, говорящих на диалектах официального языка, то они могут защищать свои права как права индивидуальные, т. е. используя все возможные другие инструменты в области прав человека. Здесь следует искать и ответ на вопрос, должны ли пользоваться защитой Хартии, например, русскоязычные в Башкортостане или Тыве, если они составляют меньшинство населения? Безусловно, нет. Если вдруг в отношении них будут иметь место факты нарушения принципа равного обращения, их защита должна осуществляться с использованием норм конституционного права РФ, норм отраслевого законодательства РФ, положений других международных документов в области прав человека, гарантирующих каждому лицу определенные индивидуальные права и защиту от дискриминации. В подобных случаях речь идет о конкретных нарушениях индивидуальных прав, но не о лишении группы граждан их коллективного права — права на сохранение и развитие родного языка.

Хартия состоит из нескольких частей. Часть I содержит общие положения и определение терминов. В части II излагаются принципы, которые должны применяться ко всем государствами и ко всем языкам. Они изложены в достаточно расплывчатых формулировках и не содержат конкретных правовых обязательств или гарантий. Часть III уже устанавливает весьма конкретные обязательства государств в следующих восьми сферах: образования, правосудия, административных отношений и государственной службы, СМИ, культурной деятельности и ее материального обеспечения, экономического и социальной жизни, трансграничных обменов. Государство при ратификации должно указать те языки, к которым с его согласия будет применяться указанная часть Хартии, а также выбрать как минимум 35 обязательств из списка 68-ми предложенных, предусматривающих различные уровни защиты «в соответствии с ситуацией каждого из языков».

Хартия и Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств имели трудную судьбу. Хартия разрабатывалась 15 лет, Рамочная конвенция — 5, и вступили в силу они практически одновременно. Рамочная конвенция — более широкий по своему охвату документ. Предвидя трудности с ее подписанием и ратификацией государствами, Совет Европы возлагал надежды на Хартию как на более мягкий инструмент. Как признавались сами разработчики этих двух документов, в случае подписания Рамочной конвенции нет острой необходимости подписывать Хартию. Но решать проблемы языковых прав в Европе стало необходимо, поскольку стало очевидно, что без их обеспечения и гарантии может рухнуть вся остальная система защиты прав человека.

Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств исходит не столько из целей сохранения культурного наследия, сколько

из того, что защита национальных меньшинств — необходимое условие стабильности, демократической безопасности и мира на европейском континенте. Как говорится в преамбуле, «плюралистическое и подлинно демократическое общество должно не только уважать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность любого лица, принадлежащего к национальному меньшинству, но также создавать и соответствующие условия, позволяющие выражать, сохранять и развивать эту самобытность». В соответствии с ч. 1 ст. 5 Рамочной конвенции стороны берут на себя обязательство «поощрять создание благоприятных условий, позволяющих обеспечить лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, возможности поддерживать и развивать свою культуру, а также сохранять основные элементы их самобытности, а именно: религию, язык, традиции и культурное наследие». Часть 2 ст. 5 призывает государства-участников воздерживаться от любых политических или практических действий, имеющих целью ассимиляцию лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, вопреки их воле. Статьи 9—14 наделяют представителей национальных меньшинств конкретными языковыми правами: получать и обмениваться информацией и идеями на языке меньшинства без вмешательства со стороны государственной власти; создавать и использовать собственные средства массовой информации на родном языке; свободно и беспрепятственно пользоваться языком своего меньшинства устно и письменно в частной жизни и публично; в местах традиционного проживания при наличии реальной потребности использовать свой язык в отношении с административными властями; в случае ареста или выдвижения обвинения получать в кратчайший срок на языке, которое данное лицо понимает, информацию о причинах ареста и выдвинутого обвинения; в случае выдвижения обвинения вести защиту на родном языке, получая при необходимости бесплатную помощь переводчика; правом пользоваться своей фамилией (патронимом), именем и отчеством на языке меньшинства; правом размещать публично вывески, надписи и другую информацию частного характера на языке своего меньшинства. Государства-участники обязуются также принимать меры в области образования с целью поощрения знания языка; признавать за лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, право изучать язык своего меньшинства. Следует отметить, что в соответствии со ст. 13 Конвенции право национальных меньшинств создавать свои частные школы не накладывает на государство обязанности финансировать связанные с этим расходы, а ст. 14, признавая за любым лицом право изучать язык своего меньшинства и получать в районах традиционного проживания образование на этом языке, в части 3 содержит существенное уточнение, что данные положения «проводятся в жизнь без ущерба для изучения официального языка или преподавания на этом языке».

Проблемой, касающейся применения норм Хартии и Рамочной конвенции к российской действительности, является отсутствие юридически четких определений и соотношение таких терминов, как «национальное меньшинство», «язык национального меньшинства», «языковое меньшинство», «языки меньшинств».

На федеральном уровне термин «национальное меньшинство» используется в Конституции и ряде федеральных законов, которые, однако, не содержат его дефиниции. Законодательные акты субъектов Федерации иногда также используют данный термин, например, Закон «О местном самоуправлении в Самарской области» гарантирует употребление языков национальных меньшинств в местах их компактного проживания. Встречается данный термин и в ряде документов СНГ, например, в Конвенции об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, от 21 октября 1994 года.

При этом только Конвенция СНГ содержит дефиницию данного термина: «Для целей настоящей Конвенции под лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, понимаются лица, постоянно проживающие на территории одной Договаривающейся Стороны и имеющие ее гражданство, которые по своему этническому происхождению, языку, культуре, религии и традициям отличаются от основного населения данной Договаривающейся Стороны» (ст. 1).

Достаточно интересно, что ни федеральное законодательство, ни нормативные акты органов субъектов Федерации, ни акты органов местного самоуправления подобного определения не содержат. Дополнительную путаницу вносит наличие в нормативных актах таких понятий, как «малочисленные народы», «коренные народы», «этнические общности», «культурно-этнические общности», «национальные общности», «национальные группы», «этнические группы», «малые национальности», «этнокультурные сообщества», «малочисленные народности», которые также не имеют нормативных дефиниций¹. Из всех этих терминов только термин «коренные малочисленные народы», используемый в Конституции, получил дефиницию в Законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» 1999 года и Законе «Об общих принципах организации общих коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2000 года.

Проект Закона «О национальных меньшинствах в Российской Федерации» предлагал установить следующие критерии для определения статуса национального меньшинства:

- российское гражданство;
- самоидентификация с национальным меньшинством в связи со стремлением к сохранению национального языка, культуры, традиций и религии;

См. материалы об этом на сайте <http://minorities.ceprs.indem.ru/Part12.htm>

— отсутствие в составе РФ национально-государственных, административно-территориальных и национально-территориальных образований (республик, краев, областей, автономной области, автономных округов);

— отсутствие принадлежности к коренным малочисленным народам.

Требование о наличии гражданства, которое, как казалось бы, вполне разумно и даже соответствует духу Хартии, выводящей из-под своей защиты мигрантов, на постсоветском пространстве может привести к массовым нарушениям прав отдельных этнических групп, за представителями которых произвольно не будет признаваться статус граждан РФ. Не случайно, боясь аналогичной ситуации с русскоязычным населением в Латвии, Россия при подписании Рамочной конвенции сделала оговорку, что «попытки исключения из сферы действия Рамочной конвенции постоянно проживающих на территории государств — участников Рамочной конвенции лиц, ранее имевших гражданство, но произвольно лишенных его, противоречат целям Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств»¹. Именно поэтому прежде, чем принимать такую норму, следует решить все спорные вопросы о наличии статуса гражданина РФ у представителей наций и этнических групп, законно проживавших на территории Российской Федерации до 6 февраля 1992 года и продолжающих в ней проживать.

Вызывает возражения и такой признак, как необходимость отсутствия национально-государственных, а тем более административно-территориальных и национально-территориальных образований. Если считать языковые права вытекающими из более широкого по своему охвату комплекса прав национальных меньшинств, то совершенно непонятно почему, например, республики должны иметь право устанавливать в конституциях свой государственный язык, а края, области и автономные округа такого права не имеют? И уж если автономный округ или край не имеют своей конституции и своего государственного языка, то почему, например, ханты, манси, чукчи должны быть дополнительно лишены еще и права на признание за ними статуса меньшинства, если, кроме права дать название субъекту Федерации, никакого другого права эти титульные нации не получили?

«Отсутствие принадлежности к коренным малочисленным народам» представляется также неверным признаком, вызванным, скорее всего, просчетами в законодательной технике. Коренные малочисленные народы оказались исключенными из понятия «национальные меньшинства» постольку, поскольку их права охраняются

¹ Федеральный закон «О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» от 18 июня 1998 года № 84-ФЗ // Российская газета. - 1998. — 23 июня.

особым Законом — «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Однако наличие данного закона, несмотря на дополнительные гарантии, которые коренным малочисленным народам данным законом предоставлены, не меняет их статуса как вида национальных меньшинств и не выводит их из-под защиты международно-правовых документов, регулирующих статус и права меньшинств¹.

Что касается термина «языковое меньшинство», то проблема его определения с учетом российских реалий еще более сложна. Он не используется в российском законодательстве, и более уместным при отсутствии необходимых этнографических данных будет говорить о защите языковых прав национальных меньшинств, а не о языковых меньшинствах как таковых. В то же время перепись 1989 года показала, что и на территории РФ встречаются ситуации, когда люди принадлежат к одной национальности или этнической группе, но говорят на разных языках. Так, по результатам переписи 1989 года, 240 тысяч жителей Башкирии заявили, что считают себя башкирами, но своим родным языком назвали татарский², а 76,6% ительменов в 1989 году родным языком назвали русский. К сожалению, из переписного листа для переписи 2002 года исчезла графа о языке, который гражданин РФ считает для себя родным. В результате ликвидации этой важной графы из поля зрения специалистов исчезли все особенности языковой жизни народов России, и теперь нам вряд ли удастся с достоверностью определить, кто и где мог бы претендовать на статус языкового меньшинства, и как соотносятся термины «языковые меньшинства» и «национальные меньшинства» применительно к российской действительности.

Далее, пытаясь решить проблему языковых прав национальных меньшинств в России, мы должны принимать во внимание следующие факты:

1) в России говорят более чем на 120 языках; часть языков не имеет письменности и их носители всегда двуязычны;

2) из 89 субъектов Федерации в России 42 субъекта сформированы по национально-государственному признаку или национально-территориальному признаку и имеют титульную нацию (сюда входят 21 республика, 1 автономная область и 10 автономных округов), а остальные 47 субъектов не имеют привязки к конкретной нации или этнической группе; с другой стороны, многие этнические группы не

См.: Кряжков В.А. Конституционно-правовое положение национальных меньшинств в Российской Федерации // Конституционное право России: Учебник. — Екатеринбург, 2001. — С. 271—273.

² **См.: Переписишь или проиграешь! // Независимая газета. — 2002. — 26 августа (<http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?mid=2758234>).**

имеют своих национально-территориальных образований, что приводит к неравному правовому статусу различных национальных меньшинств;

3) на территории большинства субъектов Федерации помимо титульной нации имеется целый ряд национальных меньшинств и, соответственно, языков; так, в Дагестане говорят более чем на 40 языках, из которых только 12 имеют письменность;

4) языки значительно варьируются по количеству говорящих: например, на ительменском говорят менее 2000 человек, на корякском — несколько семей, на якутском — 300 000, на бурятском — 350 000, что также не может не отражаться на различии в подходе к их регулированию.

Прежде всего, эти черты языковой ситуации в РФ требуют рассматривать вопрос языкового регулирования как минимум на двух уровнях: федеральном (русский язык как государственный в сопоставлении со всеми другими языками коренного населения) и региональном (государственный(-ые) язык(-и) республики в сопоставлении с другими языками, распространенными на данной территории).

На федеральном уровне статус различных языков регулируется Конституцией РФ (ст. 26, 68), Федеральным законом «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года с изменениями от 24 июля 1998 года, Декларацией «О языках народов России» от 25 декабря 1991 года, Законом «Об образовании» от 10 июля 1992 года с изменениями от 7 августа 2000 года.

Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский. Он, как показала перепись 1989 года, является родным более чем для 80% проживающих в России. Им свободно владеет и большинство представителей других национальностей и этнических групп на территории РФ, хотя, вопреки распространенному заблуждению, далеко не все. Например, по переписи 1989 года, русским владели только 72% бурят, 71,8% башкир, 70,8% татар, 85,3% калмыков. Можно предположить, что в настоящее время в связи с нехваткой учителей русского языка в отдаленных районах число лиц, не владеющих русским языком, увеличивается. Такая ситуация ставит вопрос не только о создании условий для изучения государственного языка, но и о создании СМИ и информационных ресурсов на языках народов РФ, поскольку в противном случае значительная часть граждан РФ не может воспользоваться рядом своих конституционных прав: на равенство, на пользование своим родным языком, на свободу доступа к информации.

В соответствии с ч. 2 ст. 68 Конституции РФ республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным

языком Российской Федерации. Как правило, республики устанавливают в качестве государственного в дополнение к русскому языку язык титульной нации: ст. 13 Конституции Республики Алтай провозглашает им алтайский, ст. 67 Конституции Бурятии — бурятский, ст. 15 Конституции Северной Осетии—Алании — осетинский (иронский и дигорский диалекты). Некоторые республики не воспользовались данным правом, а некоторые ввели на своей территории сразу несколько государственных языков. Так, в Конституции Республики Дагестан государственными признаются русский и языки народов Дагестана (ст. 10), а в Конституции Карачаево-Черкесии — абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский (ст. 11).

Такая ситуация ставит много вопросов о том, попадают ли упомянутые языки под определение региональных языков или языков меньшинств и охраняются ли Хартией? И есть ли различие в правовом статусе языков титульных наций в тех республиках, где им придан статус государственных, и языков титульных наций в тех республиках, где они в качестве государственных законодательно не закреплены? Очевидно, что государственные языки субъектов федерации в федеративном государстве не могут требовать особого статуса языков меньшинств, поскольку находятся под защитой государственной власти, охраняются специальными законодательными нормами, обязательны для использования во всех сферах общественной жизни. Язык меньшинства — это всегда язык, которому угрожает дискриминация по сравнению с языком или языками большинства населения; языковые права меньшинств требуют особой защиты именно потому, что людям трудно или почти невозможно реализовать их без поддержки государства. Объявляя язык государственным, республика берет на себя обязательства по его сохранению, развитию, использованию и, соответственно, по финансированию программ, с этим связанных. Законодательные органы субъектов федерации должны отдавать себе отчет в том, что придание языку статуса государственного влечет за собой обязанность создать условия для выполнения языком этой роли (в том числе обеспечить перевод на данный язык всех официальных документов органов власти и нормативных актов, ввести обязательное преподавание государственного языка в школах, создать на нем СМИ, использовать в судопроизводстве, вести делопроизводство и официальную переписку и т. д.), в противном случае данная конституционная норма начинает носить не юридический, а политический характер, что недопустимо для законодательных актов. Поэтому ничего, кроме недоумения, не может вызвать положение Конституции Дагестана о предоставлении статуса государственных всем языкам народов Дагестана. С юридической (а не политической) точки зрения это является абсурдом, хотя бы потому, что полный список всех языков Дагестана (более 40) еще не составлен, а также потому, что боль-

шинство языков в Дагестане являются бесписьменными, что вряд ли совместимо с их статусом государственных.

Субъекты Федерации, не являющиеся республиками, в том числе автономии, не наделены правом устанавливать свои государственные языки, что, безусловно, говорит о неравенстве языковых прав народов РФ, проживающих в автономиях, краях, областях, и народов, проживающих в республиках, зато этносы, проживающие в автономиях, областях, округах, краях, могут претендовать на статус национальных меньшинств и использовать положения международных документов в этой сфере для своей защиты.

На региональном уровне встречаются законы или акты местных органов власти, придающие некоторым языкам статус местных официальных языков. Например, Закон Республики Саха о языках объявляет эвенкийский, эвенский, юкагирский, чукотский языки официальными языками в местах компактного проживания данных коренных малочисленных народов. Представляется, что данный статус вполне совместим со статусом языков меньшинств и вполне соответствует духу Хартии и Рамочной конвенции, хотя с прагматической точки зрения состав языковых прав граждан и корреспондирующих им обязанностей государства, вытекающих из придания языку статуса официального, с точностью определить невозможно.

Дополнительные гарантии в реализации языковых прав национальных меньшинств дает ч. 2 ст. 26 Конституции: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». Эта норма корреспондирует с ч. 2 ст. 19 о равенстве прав и свобод человека независимо от национальности и языка. В соответствии со ст. 2 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации»¹ никто не вправе устанавливать ограничения или привилегии при использовании того или иного языка, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ (законодатель, видимо, имел в виду особый статус государственных языков или статус иностранных языков).

Региональное законодательство о языках вслед за федеральным обычно содержит положения о том, что придание статуса государственных тем или иным языкам не должно вести к ограничению прав других наций и народностей на пользование родным языком. Конституциями республик всем народам, проживающим на их территории, гарантируется право использовать, сохранять и развивать свои родные языки (ст. 13 Конституции Республики Алтай, ст. 33 Конституции Тывы, ст. 67 Конституции Бурятии). Закон «О языках народов

¹ Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года № 1807-1 (с изменениями и дополнениями от 24 июля 1998 года № 126-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. - 1991. - № 50. - Ст. 1740.

Российской Федерации» содержит развернутый перечень языковых прав меньшинств: на всестороннее развитие родного языка, свободный выбор и использование языка общения, воспитания и творчества (ст. 2), на получение основного общего образования на родном языке, выбор образовательного учреждения с тем или иным языком воспитания и обучения (ст. 9), на создание письменности на родном языке (ст. 10) и т. д. Он гарантирует всем гражданам РФ реализацию фундаментальных политических, экономических, социальных и культурных прав независимо от их знания какого-либо языка (ст. 5). Знание или незнание языка не может служить основанием для ограничения языковых прав граждан Российской Федерации (ч. 2 ст. 5). Гражданам, не владеющим государственным языком РФ и государственным языком республики, предоставляется право выступать на заседании, совещании, собрании в государственных органах, организациях, учреждениях на том языке, которым они владеют (ст. 15). Лица, участвующие в деле и не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство и делопроизводство в судах, вправе выступать и давать объяснения на родном языке или на любом свободно избранном ими языке общения, а также пользоваться услугами переводчика (ст. 18). Уголовно-процессуальный кодекс в ст. 18 также гарантирует участникам уголовного производства право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют. И хотя новый УПК, как и старый, гарантирует это право только в том случае, когда лицо недостаточно владеет государственным языком РФ или республики в ее составе, лучше ориентироваться на постановление пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 года, в котором указывается, что в силу ч. 2 ст. 26 Конституции РФ суд обязан обеспечить участвующим в деле лицам право выступать на родном языке, если они об этом ходатайствуют¹. Это очень разумный подход, поскольку ранее уровень владения или невладения русским или иным государственным языком определялся произвольно чиновниками и работниками судов, в связи с чем имели место нарушения прав граждан в уголовном и гражданском процессе.

Помимо положений о равном статусе языков, российское законодательство содержит нормы об обязанностях государства в данной сфере. Именно эти нормы, которые в законах выглядят как ясные и недвусмысленные, на практике вызывают множество вопросов при их применении, причем не только в России, но и за рубежом. «В то

время как существует тенденция к единому пониманию того, что представляют собою нарушения языковых прав в частной жизни, — справедливо отмечает Ф. де Варенн, — более сложным представляется понимание того, что представляют собою дискриминационная практика или неоправданное ущемление языковых прав публичной властью. В последнем случае следует принимать во внимание целый ряд факторов при оценке того, можно ли считать необоснованным и неоправданным отказ публичной власти от осуществления определенных действий на родном языке индивида». Например, Закон «О языках народов Российской Федерации» в ст. 2—4 гарантирует право на сохранение и всестороннее развитие родного языка всем народам независимо от их численности, для чего органы государственной, исполнительной и судебной власти РФ обязаны обеспечить социальную, экономическую и юридическую защиту языков народов РФ и предоставить финансовое обеспечение государственных и научных программ по их сохранению (ст. 2, 3, 4, 7, 9, 10).

Нормы, гарантирующие использование языков меньшинств, содержатся в Законе «Об образовании», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации», «О культуре» и др. В то же время, поскольку на деле реализация языковых прав меньшинств требует значительных финансовых затрат (на открытие школ и классов, на обеспечение преподавания на родном языке и создание учебных пособий, на СМ И, переводы текстов нормативных актов и официальных документов и т. д.), представителям национальных меньшинств зачастую отказывают в государственной поддержке программ по сохранению и использованию родного языка под предлогом его невостребованности и постепенного исчезновения. Именно обязательства государств по финансированию образовательных программ и сохранению языкового многообразия являются камнем преткновения при ратификации странами — членами Совета Европы Хартии о региональных языках или языках меньшинств.

Российское законодательство, как федеральное, так и региональное, несмотря на обилие норм о языковых правах, в целом носит достаточно декларативный и бессистемный характер. Главная трудность в правовом регулировании статуса различных языков состоит в том, что законодателю необходимо определить для себя цели и задачи такого регулирования. Прежде, чем разрабатывать любой закон о статусе языков меньшинств, необходимо ответить на вопрос: а для чего это нужно? Является ли это проявлением нашего уважения к национальным меньшинствам или заботой о сохранении культурного наследия? Или мы в первую очередь руководствуемся идеями ра-

¹ *Варенн Ф. де. Языки национальных меньшинств: руководство по использованию и защите.* — М., 2002. — С. 11.

венства, справедливости, честности? Может быть, хотим искупить свою вину или восстановить историческую справедливость? А может быть, мы боимся новых конфликтов на национальной почве и стремимся избежать обострения межэтнических отношений? Но главный вопрос, на который мы должны ответить, это — является ли язык лишь частью культурного наследия, которое досталось нам от предков и которое мы должны защищать от исчезновения, или это — часть национальной идентичности, необходимая для реализации всех остальных прав человека. Является ли право говорить, выражать свое мнение, получать необходимую информацию на родном языке неотъемлемым правом любого человека, необходимым для его саморазвития и для его самоидентификации, связанной с осознанием своей принадлежности к тому или иному этносу?

К сожалению, в последние годы не проводилось какой-либо государственной политики в области развития и сохранения языков меньшинств. Упомянувшееся выше провозглашение ряда национальных языков в качестве государственных языков республик также не было подкреплено сколь-либо заметными усилиями в деле их реального сохранения или укрепления их статуса и носило скорее политический, чем практический характер. Не выполнялись нормы законодательства РФ «О культуре», «Об образовании», «О языках народов Российской Федерации», касающиеся создания условий для изучения и использования родного языка национальными меньшинствами в России.

По сравнению с СССР, где национальные языки автономных республик, краев и областей использовались в СМИ, судопроизводстве, образовании в начальной и средней школе, в современной России сфера их использования сузилась. В большинстве случаев со стороны органов государственной власти причиной отказа в открытии школ и классов на родном языке, издании газет и журналов служит аргумент не востребованности или недостаточной востребованности данных языков со стороны самих представителей национальных меньшинств. Факт вымирания языков (и вместе с ними малочисленных народов) воспринимается как естественный и неизбежный. Вторым аргументом при отказе служит экономическая неэффективность и ненужность изданий книг и периодики на родном языке для граждан РФ, принадлежащих к национальным меньшинствам, поскольку «все равно все они читают по-русски». ЕС подходит к этой проблеме кардинально иным образом, считая, что европейская модель информационного общества должна исходить из демократических, социальных, культурных и образовательных интересов и не должна позволять брать верх интересам экономическим и технологическим. При таком подходе количество говорящих на языке не имеет значения при решении вопроса о создании условий для его использования, сохранения и развития.

Рассмотрение проблемы защиты языковых прав только в контексте сохранения культурного наследия является неверным. Это проблема реализации основополагающего права каждого человека оставаться самим собой (права на идентичность), говорить и иметь доступ к информации на своем родном языке, не подвергаться дискриминации по языковому признаку.

Эпоха глобализма и развития новых технологий вносит свои коррективы в наше представление о статусе и роли различных языков. Ключевую роль в распространении информации и доступе к знаниям стали играть средства электронной коммуникации. Они же служат средством установления диалога между людьми, принадлежащими к разным культурам и социальным слоям. Но, как справедливо отмечает ЮНЕСКО, развитие электронных сетей ставит под угрозу существование многоязычия и увеличивает риск того, что один из языков станет рано или поздно единственным языком общения во всех сферах коммуникации. Усилия ЮНЕСКО и культурного сообщества сегодня направляются на то, чтобы всеми возможными и доступными способами продвигать идею многоязычия в Интернет-пространстве, создать электронные ресурсы на максимально возможном числе языков, обеспечить создание сферы использования языков в электронном информационном пространстве — особенно языков меньшинств и исчезающих языков — с тем, чтобы поддержать их жизнеспособность и востребуемость.

Естественно, проблема свободного доступа к информации на различных языках упирается, в том числе, и в технические проблемы, и в проблемы обучения. Но никакие усилия по правовому регулированию языков, обучению языкам, открытию школ и классов не помогут сохранить языки национальных меньшинств, если для них не будет создана сфера использования, если на них не будут создаваться новые тексты, если на них не будет доступна обширная информация из самых разных областей знания, если они не будут восприниматься как равные в сфере общения. Чем быстрее будут развиваться Интернет-технологии, тем быстрее все языки, кроме двух-трех наиболее часто используемых в мире (английского, испанского, китайского), разделят участь латинского и древнегреческого. Альтернативой этому может стать только включенность в информационный обмен как можно большего числа из всех существующих на Земле языков.

Представленность большого количества самых разнообразных языков в Интернет-пространстве помогает решать сразу несколько гуманитарных и технических задач:

- уменьшает угрозу превращения какого-либо одного языка в единственный в сфере информационного обмена;
- «подстегивает» создание переводных машинных словарей и универсальной системы машинного перевода, которая позволит свободно переключаться с языка на язык в Интернет-пространстве (воз-

возможности создания такой системы уже обсуждаются на научных конференциях: см., например, материалы ЮНЕСКО: Actes Du Colloque International «Sur Le Pluralisme Dans La Sociéte De L'Information», 9 et 10 mars 2001, UNESCO, Paris);

— дает возможность каждому говорящему на родном языке воспринимать свой язык как равный среди других и, следовательно, вносит свой вклад в реализацию концепции равенства и недискриминации;

— позволяет не только сохранить существующие языки, но и поддерживать их развитие через создание массива текстов и, следовательно, расширение сферы их использования.

Развитие сети Интернет и глобального информационного пространства, с одной стороны, несет угрозу развитию и сохранению национальных языков. С другой стороны, именно Интернет-технологии дают небывалый шанс эти языки сохранить, поскольку представление информации в сети Интернет менее затратно, чем ее создание на бумажных носителях (особенно при мизерных тиражах, которые необходимы для редких языков). Обучающие программы и электронные СМИ для малочисленных народов на родном языке также менее затратны, чем публикация учебников и традиционное издание газет. Весь вопрос только в наличии оборудования и каналов связи, которые развиваются достаточно быстро и стремительно дешевеют. Если подходить к решению проблемы сохранения и использования языков меньшинств стратегически, то именно в данном направлении следует искать ее решение.

Интернетизация позволяет использовать новый подход к сохранению языков, в корне отличающийся от существовавших ранее. Если общей практикой в сфере сохранения и продвижения языков до сих пор является языковое обучение и законодательное закрепление сферы их обязательного (принудительного) использования (пример: латышский в Латвии), то современный уровень развития информационных технологий позволяет подойти к решению данной проблемы с обратного конца — обеспечения сферы обращения для конкретного исчезающего языка, включения его как равноправного в общее глобальное информационное пространство. Это делает востребованным обучение родному языку и владение им, формируется потребность в родном языке, который перестает восприниматься представителями этнической группы только как элемент культурного наследия. Расширение сферы использования языка за счет Интернет-пространства заставит государство и местные власти находить финансирование на школы, СМИ, учебные пособия и т. д. (т. е. на то, что оно обязано финансировать в соответствии с Законом о культуре, Законом об образовании, Законом о языках народов РФ, Европейской хартией о региональных языках или языках меньшинств, Европейской рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств).

Прежде всего, необходимо переводить в электронную форму фольклорные тексты (которые, в отличие от традиционной книжной фор-

мы, могут быть озвучены), памятники литературы на данных языках, учебники по разным отраслям знания. Необходимы новостные ленты в электронной форме, электронные газеты и журналы. В перспективе, электронная форма текстов для малочисленных народов — единственно возможная, поскольку любое создание СМИ и литературы в традиционном виде для 300 или даже 3000 говорящих не может быть оперативным, рентабельным и разнообразным.

Без выделения финансирования на образовательные и информационные цели любые законодательные предложения в области защиты прав меньшинств останутся чистой декларацией.